
Поѣздка графа Н. П. Игнатьева по европейскимъ столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г. ¹⁾.

(Съ примѣчаніями П. Д. Воейкова).

Первое мое свиданіе съ лордомъ Биконсфильдомъ, въ субботу 5 марта, въ тотъ день, когда я обѣдалъ у лорда Дерби, происходило въ присутствіи гр. Шувалова. Англійскій премьеръ видимо избѣгалъ серьезнаго разговора о Восточныхъ дѣлахъ и ограничился общими мѣстами. Онъ увѣрялъ меня, что онъ всегда былъ другомъ Россіи, говорилъ высокопарно о своихъ дружескихъ отношеніяхъ къ гр. Шувалову и превозносилъ его личныя достоинства. Если вѣрить ему онъ искренно желаетъ, чтобы между Россіей и Англіей установилось серьезное, прочное соглашеніе, такъ какъ только эти державы дѣйствительно заинтересованы въ дѣлахъ Востока и въ состояніи справиться съ его трудностями. Мнѣ показалось, что лордъ Биконсфильдъ не довѣряетъ гр. Шувалову и не хотѣлъ говорить при немъ откровенно и, дѣйствительно, въ среду, когда я видѣлся послѣдній разъ съ лордомъ Дерби въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, и когда мы съ женой были приглашены къ лорду Биконсфильду на обѣдъ, на которомъ присутствовалъ и принцъ Уэльскій, Биконсфильдъ, уличивъ послѣ обѣда минуту, когда гр. Шуваловъ говорилъ съ кѣмъ-то въ другой комнатѣ, чтобы побесѣдовать со мною, высказался гораздо опредѣленнѣе. „Со свойственной ему впечатлительностью, какъ я писалъ кн. Горчакову, лордъ Биконсфильдъ увѣрялъ меня, что онъ потерялъ всякую надежду на окончательное соглашеніе, которое удовле-

---

¹⁾ См. „Русская Старина“, іюнь 1914 г.

творило бы всѣхъ, и что онъ смотритъ мрачно на будущее, ибо безъ демобилизаціи не будетъ протокола. Онъ долго говорилъ о томъ, что Россія поступила въ высшей степени ошибочно, дѣйствуя совмѣстно съ Германіей и Австро-Венгріей, которымъ очень мало дѣла до Востока и которыя не имѣютъ возможности осуществить то, что было условлено между нами. Если бы дѣло, которымъ мы заняты въ настоящее время, было рѣшено какъ того хочетъ Англія, то онъ конечно высказалъ бы болѣе вѣскія соображенія относительно *неизбѣжнаго паденія* Турецкой имперіи, которое могло бы совершиться мирнымъ путемъ. Всѣ его старанія клонятся, по его словамъ, только къ тому, чтобы доказать намъ необходимость союза Россіи съ Англіей и бесполезность всѣхъ прочихъ союзовъ.

„Я отвѣчалъ, что мы готовы придти къ соглашенію, но что само собою разумѣется, я хотѣлъ бы знать его виды на будущее, чтобы освѣдомить объ нихъ нашего августѣйшаго монарха. Онъ возразилъ, что это было бы преждевременно, что онъ долженъ прежде всего представить парламенту осязательный результатъ своей иностранной политики, и что онъ воспользуется затѣмъ наступившимъ успокоеніемъ, чтобы основательно познакомиться съ этимъ вопросомъ“.

Онъ отлично видѣлъ, что меня нельзя обойти и что я не дамъ никакихъ обѣщаній, не зная, выгодны ли они Россіи; поэтому онъ не сталъ болѣе говорить о томъ, что интересовало насъ въ данный моментъ, но такъ какъ мнѣ хотѣлось основательно узнать точку зрѣнія противника, то я навелъ лорда Биконсфильда на обсужденіе другихъ вопросовъ съ принципальной точки зрѣнія.

„Прежде всего мы остановились, конечно, на проливахъ. Лордъ Биконсфильдъ долженъ былъ согласиться со мною, что Англіи было бы не особенно выгодно завладѣть Дарданеллами¹⁾, такъ какъ это заставило бы Россію овладѣть Босфоромъ, чтобы обезопасить свое южное побережье отъ нападенія. Но два контингента войскъ разной національности не могли бы избѣжать столкновеній при столь близкомъ сосѣдствѣ, а постоянное соперничество и недовѣріе порождали бы ссоры и столкновенія и дали бы возможность укорениться тому недружелюбію (*bad feeling*), которое намъ хотѣлось изгнать изъ отношеній, существующихъ между Англіей и Россіей.

¹⁾ Вначалѣ онъ утверждалъ, что проливы должны принадлежать султану или Англіи и *болѣе никому.*

Прим. авт.

„Что касается гарантій относительно пути въ Индію, то мы обсудили вопросъ объ островахъ Хіосъ, Мителене¹⁾, Лемнось²⁾, Родосъ, о Кипрѣ и о портѣ на о. Критѣ“. Я энергично протестовалъ противъ оккупациі англичанами Мителене или Лемноса, говоря, что это было бы равносильно завладѣнію проливами, въ виду близости къ нимъ этихъ острововъ и ихъ важнаго значенія, какъ морскихъ станцій. Я замѣтилъ лорду Биконсфильду, что Критъ въ полномъ смыслѣ слова греческій островъ и что его населеніе слишкомъ интеллигентно и воинственно, чтобы какая-нибудь иноземная держава могла безнаказанно овладѣть имъ. Рано или поздно этотъ цвѣтущій, но злополучный островъ долженъ будетъ принадлежать Греціи и если англичане поселятся на немъ, то они будутъ вынуждены покинуть его такъ же точно, какъ Корфу.

Перечисливъ пункты, которые казались ему полезными для Англій, лордъ Биконсфильдъ, несмотря на все мое стараніе заставить его высказаться, не сказалъ ничего вполне ясно и опредѣленно. Онъ обусловливалъ обмѣнъ мыслей по всѣмъ этимъ вопросамъ подписаніемъ протокола и успокоеніемъ умовъ, которое было бы послѣдствіемъ нашего разоруженія. „У меня сложилось впечатлѣніе, какъ я и писалъ канцлеру, что премьеръ хочетъ сдѣлать на Востокѣ что-то блестящее³⁾, но что его планъ еще не созрѣлъ окончательно. Онъ готовъ всѣмъ пожертвовать ради блестящаго успѣха своей иностранной политики и чтобы заслужить одобреніе Англій; это было бы для него большимъ удовлетвореніемъ.

„Мнѣ удалось узнать изъ вѣрнаго источника⁴⁾, что все подготовлялось къ тому, чтобы овладѣть въ случаѣ надобности Дарданелльскимъ проливомъ, если бы мы пошли дальше Адрианополя и приблизились къ Константинополю; переправа черезъ Дунай не вызвала бы, повидимому, противодѣйствія со стороны англичанъ. Говорятъ, будто уже сдѣланы всѣ нужныя распоря-

¹⁾ Древній Лесбосъ самый крупный островъ въ Эгейскомъ морѣ, имѣющій хорошо защищенные порты. *П. В.*

²⁾ Лемнось одинъ изъ крупныхъ острововъ Эгейскаго моря. *П. В.*

³⁾ Моя догадка оправдалась поведеніемъ Биконсфильда во время кризиса, и въ особенности при аннексіи Кипра. Императорскій кабинетъ былъ предупрежденъ объ этомъ за годъ, и все-таки англо-турецкая конвенція была сюрпризомъ какъ для кн. Горчакова, такъ и для гр. Шувалова и даже для бывшаго въ Константинополѣ Лобанова.

Прим. авт.

⁴⁾ Главнымъ образомъ отъ русскаго военнаго агента въ Англій, ген. Горлова.

Прим. авт.

женія для посадки на суда 60.000 человекъ, но оказывается, что они придутъ на мѣсто назначенія не ранѣе какъ черезъ два мѣсяца, и если бы мы повели кампанію энергично, то англійскія войска явились бы слишкомъ поздно. Поэтому англійскія военныя власти не особенно одобряютъ послѣднее время мысль о длительномъ занятіи Дарданеллъ; при обсужденіи этого вопроса выяснилось, что въ случаѣ осуществленія этой мѣры англійскій гарнизонъ не трудно было бы прогнать, но это было бы сопряжено съ огромнымъ расходомъ ¹⁾. Я, со своей стороны, поддерживалъ этотъ взглядъ въ домѣ Салисбюри и въ бесѣдахъ съ англійскими военными, доказывая, что, съ военной точки зрѣнія, гарнизонъ, расположенный между Дарданеллами и Галлиполи ²⁾, всегда могъ бы подвергнуться нападенію нашихъ превосходныхъ силъ съ двухъ сторонъ (съ европейской и азіатской), такъ какъ мы всегда могли бы сосредоточить нѣсколько сотъ тысячъ человекъ на европейскомъ и азіатскомъ берегахъ. Большинство англичанъ также не особенно одобряетъ мысль о захватѣ Египта, опасаясь большихъ расходовъ, которые это можетъ повлечь за собой. Здѣсь предпочитаютъ управлять имъ такъ, какъ это дѣлается въ настоящее время. Съ другой стороны, во Франціи, либеральная партія довольно равнодушна къ возможной оккупации Египта англичанами; по крайней мѣрѣ этого мнѣнія держится Тьеръ, отказавшійся отъ своей политики 1841 г., Гамбетта и другіе. И такъ, въ Англии, какъ заявилъ мнѣ лордъ Биконсфильдъ, были бы склонны занять въ случаѣ раздѣла Турціи, *островное положеніе*, которое обезпечило бы путь въ Индію отъ нападенія со стороны Чернаго моря. Помимо этого, въ Англии очень озабочены, все изъ-за того же пути въ Индію, дальнѣйшей судьбою бассейна Тигра и Евфрата“.

Желая придать моей поѣздкѣ въ Англию совершенно частный характеръ, въ особенности въ виду положенія, занятаго гр. Шуваловымъ относительно моей миссіи, я рѣшилъ не дѣлать никакихъ шаговъ къ тому, чтобы получить аудіенцію при дворѣ. Тѣмъ не менѣе въ субботу я былъ принятъ въ Лондонѣ

¹⁾ И однако, годъ спустя, гр. Шуваловъ успѣлъ, своими грозными донесеніями о воинственномъ настроеніи лорда Биконсфильда, заставить позабыть эти данныя и заставилъ насъ остановиться подъ стѣнами Константинополя!

Прим. авт.

²⁾ Галлиполи, турецкій портъ, находится на небольшомъ полуостровѣ при Дарданеллахъ. Военное значеніе Галлиполи основано на возможности запретить путь по морю.

П. В.

принцемъ и принцессой Уэльскими, а въ слѣдующій вторникъ королевой Викторіей въ Виндзорѣ.

Вечеромъ, въ день моего пріѣзда въ Лондонъ, принцъ Уэльскій пригласилъ гр. Шувалова въ клубъ и заявилъ ему, что онъ приметъ бывшаго русскаго посла въ Константинополь и его жену на другой же день. Принцъ и принцесса приняли насъ, какъ старыхъ знакомыхъ, въ высшей степени благосклонно и любезно. Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ они видѣли насъ въ Константинополь и въ Петербургѣ. Въ то время принцъ Уэльскій остался такъ доволенъ мною, что онъ отличилъ меня, въ присутствіи турокъ, болѣе, нежели своего собственного посланника Генри Эллиота, и намекалъ мнѣ, что онъ былъ бы радъ видѣть меня посланникомъ въ Лондонъ, вмѣсто бар. Бруннова. Какъ во время аудіенціи у него, такъ и за обѣдомъ у лорда Биконсфильда и на вечерѣ у лорда Дерби (гдѣ я былъ съ женою по настоянію принца), онъ вспоминалъ съ удовольствіемъ о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ во время пребыванія въ Россіи, и высказывалъ самое горячее желаніе, чтобы всѣ политическія недоразумѣнія между обѣими странами прекратились. Но онъ не могъ скрыть, что относительно восточныхъ дѣлъ онъ находился всецѣло подъ вліяніемъ Биконсфильда, такъ какъ онъ настаивалъ на необходимости одновременнаго разоруженія Россіи и Турціи. Принцъ Уэльскій сообщилъ мнѣ, что королева приметъ меня и мою жену въ Виндзорѣ во вторникъ. Аудіенція у королевы прошла согласно обычному этикету, при чемъ Ея Величество вовсе не касалась политическихъ вопросовъ.

Встрѣчаясь въ Гатфильдѣ и на вечерахъ у гр. Дерби и у лорда Деднея съ самыми выдающимися англійскими дѣятелями, съ которыми у меня всегда завязывался разговоръ о Восточныхъ дѣлахъ, я имѣлъ случай опровергнуть безчисленные предразсудки и ошибочные взгляды на турецкій, греческій и славянскій вопросы, которые укоренились въ англійскомъ обществѣ.

„При этомъ я могъ убѣдиться, какъ я и писалъ канцлеру, что мысль о близкомъ и роковомъ паденіи Турецкой имперіи сдѣлала въ Англій огромные успѣхи. Вмѣсто того, чтобы говорить о поддержкѣ Турціи во что бы то ни стало, теперь думаютъ только, какъ бы продлить ея существованіе или, въ случаѣ ея паденія, заключить соглашеніе съ Россіей“.

Посѣтивъ Гладстона, я писалъ канцлеру послѣ бесѣды съ нимъ, что глава либеральной партіи обвиняетъ торіевъ въ томъ, что они толкаютъ турокъ въ пропасть, и утверждаетъ, что, дѣйствуя энергично и принявъ репрессивныя мѣры,

которыя заставили бы Турцію приступить къ серьезнымъ реформамъ, можно было бы еще продлить ея существованіе, какъ самостоятельнаго государства. По его мнѣнію, роспуска парламента было бы достаточно, чтобы въ двое сутокъ рѣшить Восточный вопросъ въ пользу христіанъ. Онъ не хочетъ раздѣла Турціи, а освобожденія христіанскихъ народностей. Очень жаль, что, увлекаясь своимъ блестящимъ ораторскимъ и писательскимъ талантомъ, Гладстонъ впадаетъ иной разъ въ крайности и вредитъ этимъ торжеству праваго дѣла. Торіи, напуганные тѣмъ, то они потеряли недавно одно мѣсто въ парламентѣ, и опасаясь, что ихъ партія, если въ ней начнутся раздоры, утратитъ свое значеніе, сплотились вокругъ правительства и готовы пожертвовать нѣкоторыми личными взглядами (намекъ на Салисбюри), чтобы удержаться у власти. Наконецъ опрометчивые отзывы нѣкоторыхъ виговъ и либераловъ касательно дѣлъ Индіи, которымъ они не придавали значенія, повредили имъ во мнѣніи англійской публики, весьма чувствительной ко всему, что касается Индіи. Желая достигнуть своей цѣли черезчуръ скоро и зайти слишкомъ далеко, преждевременно учитывая наслѣдіе лорда Биконсфильда, Гладстонъ и его друзья вызвали нѣкоторую реакцію и охлажденіе среди тѣхъ торіевъ, которые относились (въ 1876 г.) 'сочувственно къ судьбѣ христіанъ въ Турціи. Люди, наилучше настроенные, подчиняясь партійной дисциплинѣ, молчатъ и ступшевываются, чтобы не вызвать раздора. Такъ, маркизъ Салисбюри, котораго я обвинялъ въ равнодушіи, оправдываясь, увѣрялъ меня, что его взгляды остались неизмѣнны, что, какъ англичанинъ и христіанинъ, онъ оскорбленъ тѣмъ, что Великобританія предоставляетъ Россіи одной покровительствовать христіанскимъ народамъ Турціи, что онъ болѣе чѣмъ когда-либо желаетъ дружескаго соглашенія съ Россіей; но что его обязанность въ отношеніи партіи заставляеть его дѣйствовать чрезвычайно осторожно. Онъ только высказываетъ свое мнѣніе въ совѣтѣ и не можетъ теперь вмѣшиваться активно въ турецкія дѣла, которыя его болѣе не касаются...

„Къ сожалѣнію, бюро министерства иностранныхъ дѣлъ остались вѣрны традиціямъ и предразсудкамъ временъ Крымской кампаніи и настроены въ высшей степени дружелюбно къ Турціи и враждебно къ Россіи. Другой враждебный намъ элементъ это армія и все имѣющее къ ней близкое отношеніе; живя до сихъ поръ идеями, которымъ минула двадцатилѣтняя давность, эта часть англійскаго общества хранитъ традиціи и

предразсудки англо-турецкаго союза. Среди виговъ также есть лица, настроенныя къ намъ недружелюбно и покровительствующія христіанамъ только съ цѣлью положить преграду „честолюбивымъ замысламъ Россіи“.

„Наконецъ, радикальная партія ненавидитъ турокъ, но относится недовѣрчиво и къ намъ, памятуя 1848 годъ. При всемъ томъ можно рассчитывать на ея оппозицію правительству, когда надобно будетъ помѣшать Англіи оказать матеріальную поддержку туркамъ.

„Такимъ образомъ, хотя почти двѣ трети англійскаго общества до сихъ поръ сочувствуютъ туркамъ, но противоположныя взгляды все же дѣлаютъ успѣхи и если нами не будетъ сдѣлано какихъ-нибудь грубыхъ ошибокъ, то мнѣ кажется, ни одинъ англійскій министръ не сможетъ болѣе оказать туркамъ матеріальной поддержки противъ насъ. Всѣ единогласно признаютъ, что въ случаѣ русско-турецкой войны Англія потребуетъ какой-нибудь залогъ, который дастъ ей возможность участвовать въ дальнѣйшемъ рѣшеніи Восточнаго вопроса“.

Я не только старался познакомиться изъ первоисточниковъ съ общественнымъ мнѣніемъ Англіи относительно остраго фазиса Восточнаго вопроса, я постарался также разузнать настроеніе англійскихъ государственныхъ людей въ среднеазіатскихъ дѣлахъ, вліяніе которыхъ на славяно-турецкій вопросъ всегда было для меня ясно.

Возобновивъ съ Салисбюри бесѣды, которыя мы вели съ нимъ въ Константинополѣ относительно разграниченія сферы великобританскихъ и русскихъ интересовъ въ Центральной Азіи, мнѣ удалось до извѣстной степени узнать его взгляды на этотъ вопросъ, какъ статсъ секретаря по дѣламъ Индіи, и я счелъ долгомъ написать канцлеру изъ Вѣны нижеслѣдующее конфиденціальное письмо: „Во время многочисленныхъ конфиденціальныхъ бесѣдъ моихъ съ маркизомъ Салисбюри въ Гатфильдѣ, мы обмѣнялись мыслями о возможномъ расширеніи англійской и русской власти въ центральной Азіи, и пробовали опредѣлить теоретически границы, которыя будутъ установлены въ будущемъ. Если бы это осуществилось, мы не только не мѣшали бы другъ другу впредь, но могли бы помогать другъ другу, положивъ конецъ всѣмъ мѣстнымъ интригамъ.

„Я говорилъ, что по моему мнѣнію самой естественной, самой надежной и неприступной границей могъ бы быть Гиндукушъ и его отрога; южный склонъ и бассейнъ Инда могъ бы отойти подъ владычество Англіи, а сѣверный склонъ могъ быть предо-

ставленъ намъ. Эта комбинація поправилась лорду Салисбюри, и онъ намѣренъ, воспользовавшись случаемъ, узнать на этотъ счетъ мнѣніе англійскаго общества. Онъ сдѣлалъ впрочемъ одну оговорку, а именно, что пока живъ Ширъ Али-ханъ, въ мѣстностяхъ, именуемыхъ Балхъ, Хулумъ, Хундузъ, Гиссаръ и Бадахшанъ должно быть сохранено *status quo*, хотя онѣ и лежатъ въ бассейнѣ Аму-Дарьи. Я успокоилъ своего собесѣдника, увѣривъ его, что въ данный моментъ не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо перемѣнахъ и что мы ни въ какомъ случаѣ не стремимся къ расширенію нашихъ владѣній къ югу.

„Что касается Кашгара и Мерва, маркизъ Салисбюри подтвердилъ мнѣ то, что онъ говорилъ въ Константинополѣ. Не имѣя никакихъ особенныхъ видовъ на эту мѣстность, Англія не хотѣла бы, однако, чтобы она подпала подъ владычество Россіи, допуская, впрочемъ, что мы могли быть вынуждены совершить экспедицію въ Мервъ, чтобы покарать туркменовъ. Маркизъ далъ мнѣ понять, что присоединеніе Кашмира къ Индіи составляетъ лишь вопросъ времени. Съ другой стороны занятіе вновь китайцами Кашгара и прекращеніе враждебнаго намъ правленія мусульманъ не встрѣтило бы препятствія. Маркизъ Салисбюри не раздѣляетъ мнѣнія сэра Г. Элліота и бывшаго вице-короля Индіи, которые хотѣли подчинить Кашгаръ власти султана и использовать противъ насъ этотъ фанатическій мусульманскій центръ, расположенный у нашей границы.

„Персія, по словамъ моего собесѣдника, не можетъ долго оставаться въ ея теперешнемъ положеніи; было бы полезно выяснить ея дальнѣйшую судьбу. Я высказалъ мысль о ея нейтралитетѣ подъ гарантіей Англіи и Россіи. Салисбюри раздѣляетъ это мнѣніе, но онъ не скрылъ опасеній Англіи, какъ бы мы не округлили нашихъ владѣній до Атрека. Я отвѣтилъ, что эта рѣка составляетъ въ настоящее время естественную пограничную линію и что трудно было бы найти другую со стороны пустыни. Въ концѣ концовъ онъ согласился признать это относительно верхняго теченія рѣки, лишь бы отъ средняго теченія была проведена къ Аму-Дарьѣ прямая линія, въ значительномъ разстояніи отъ Мерва, которая и образовала бы границу нашихъ владѣній въ этомъ направленіи.

„На мой вопросъ о Белуджистанѣ, онъ признался, что эта страна хотя не по праву, но фактически находится подъ владычествомъ Англіи. Маркизъ Салисбюри предвидитъ, что южный Афганистанъ въ концѣ концовъ будетъ присоединенъ къ Индіи. Я воспользовался высказанными имъ предположе-

ніями, чтобы замѣтить, что въ такомъ случаѣ Герать долженъ быть возвращенъ нейтральной Персіи. Но маркизъ находитъ эту комбинацію невозможной, въ виду *стратегическаго значенія*, которое въ Англіи приписываютъ, правильно или нѣтъ, обладанію Гератомъ, считая его *ключемъ къ Индіи*. Ни одинъ англійскій министръ не посмѣетъ отдать его Персіи, или какой-нибудь другой странѣ, которая находилась бы подъ вліяніемъ Россіи... Бесѣдуя однажды со мною объ Азіи, Салисбюри спросилъ, что будетъ съ Малой Азіей въ случаѣ раздѣла Турціи. Я отвѣтилъ, что мы ничего не имѣли бы противъ того, если бы султанъ, не имѣя возможности удержаться долѣе въ Европѣ, перенесъ свою столицу въ Бруссу, колыбель своей династіи. На это мой собесѣдникъ возразилъ, что, по его мнѣнію, едва ли Турецкая имперія распавшись въ Европѣ, могла бы возродиться въ Азіи и врядъ ли власть султановъ могла бы процвѣтать тамъ; онъ предвидѣлъ скорѣе возможность какой-нибудь новой группировки мусульманскихъ государствъ. Лордъ Салисбюри интересуется особенно бассейномъ Тигра и Евфрата. Онъ не скрывалъ меня, что Англія отнеслась бы крайне непріязненно къ тому, если бы мы появились когда-либо въ этомъ бассейнѣ, и далъ понять, что въ Англіи придають большое значеніе тому, чтобы этотъ путь въ Индію никогда не подпалъ подъ наше вліяніе. Кажется, это первый разъ, что Великобританія обнаружила свои виды на весь бассейнъ Эвфрата. Поэтому я считаю это заявленіе маркиза Салисбюри заслуживающимъ особаго вниманія Императорскаго кабинета. Впрочемъ, онъ просилъ меня считать всѣ высказанныя имъ соображенія не болѣе какъ дружескимъ обмѣномъ его личныхъ, конфиденціальныхъ и теоретическихъ мыслей.. Что касается вопроса о демобилизаціи нашихъ войскъ, маркизъ Салисбюри далъ себѣ въ концѣ концовъ вполне ясный отчетъ въ тѣхъ трудностяхъ, которыя онъ ранѣе упускалъ изъ вида“.

Въ понедѣльникъ утромъ какъ я сообщилъ уже въ Вѣну и въ Петербургъ, я выѣхалъ изъ Лондона въ Вѣну, черезъ Парижъ. Послѣ объясненій, которыя я имѣлъ съ англійскими министрами и съ видными членами разныхъ партій, и послѣ тѣхъ сообщеній, которыя я сдѣлалъ имъ и получилъ отъ нихъ, мнѣ было бесполезно далѣе оставаться въ Лондонѣ; это могло даже имѣть нѣкоторыя неудобства, въ особенности въ виду страннаго поведенія гр. Шувалова, который самъ однако настоятельно просилъ меня, въ особенности въ послѣдній моментъ, (заѣхавъ въ отель Claridge съ вечера отъ лорда Дедлея) пробить

въ Англии еще нѣсколько дней до тѣхъ поръ, пока вопросъ о протоколѣ не будетъ окончательно рѣшенъ имъ и графомъ Дерби. А я, въ виду известнаго настроенія Лондонскаго кабинета, его колебаній и недомолвокъ, считалъ нужнымъ не терять ни минуты, чтобы произвести на него давленіе при посредствѣ другихъ кабинетовъ. Я не допускалъ возможности, чтобы князь Горчаковъ, пославъ меня къ европейскимъ дворамъ для обсужденія вопроса о протоколѣ (*pour faire „la tournée du protocole en Europe“*), отказался отъ мысли объ этомъ дипломатическомъ актѣ, рѣшилъ бы вопросъ съ плеча, не дожидаясь возвращенія челоуѣка, посланнаго имъ со специальной миссіей, и не ознакомившись съ впечатлѣніями, вынесенными мною изъ повѣзки. Я надѣялся, что при всей нетерпѣливости и нервности онъ съумѣетъ выждать недѣлю въ этотъ важный моментъ.

Отъѣздъ изъ Лондона казался мнѣ неотложнымъ еще и потому, что австро-венгерскій посланникъ въ Лондонѣ, гр. Бейстъ, сказалъ мнѣ, что „въ Вѣнѣ очень недовольны тѣмъ, что я не слѣшу ѣхать туда и что Италия познакомила съ текстомъ нашего проекта раньше Австро-Венгрии¹⁾“.

„Я отвѣтилъ, какъ я и передалъ это въ своемъ письмѣ отъ 14/26 марта, что въ виду нашихъ отношеній къ Вѣнскому кабинету, послѣдній ближе знаетъ наши намѣренія, нежели прочіе кабинеты, но что, во всякомъ случаѣ, я не могу дать окончательной редакціи текста до тѣхъ поръ, пока мнѣ не будетъ известно мнѣніе Лондона, ибо иначе можетъ произойти путаница“.

Вечеромъ 10 марта, тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Парижъ, меня посѣтили герцогъ Деказъ и гр. Шодорди; встревоженные, они спѣшили узнать о ходѣ переговоровъ, происходившихъ въ Лондонѣ. Дѣло въ томъ, что отъ герцога Даркура была по-

¹⁾ Такъ какъ я долженъ былъ ѣхать въ Вѣну, то, узнавъ о появленіи новаго проекта протокола, составленнаго Дерби, я не считалъ себя въ правѣ переслать гр. Андраши привезенный мною проектъ черезъ австро-венгерскаго посланника въ Парижъ, какъ я это сдѣлалъ чрезъ итальянскаго посланника, имѣя въ виду, что я не поѣду въ Римъ. Если гр. Андраши жаловался на то, что русскій текстъ протокола былъ полученъ въ Римѣ нѣсколько дней до того, какъ онъ былъ полученъ имъ официально, то можно себѣ представить, сколько зависти и недовѣрія было бы вызвано съ его стороны, если бы я поѣхалъ изъ Парижа въ Римъ, какъ мнѣ совѣтовалъ представитель Италіи. Хорошо, что я руководствовался въ этомъ случаѣ не своимъ желаніемъ, а пользой службы.

Прим. авт.

лучена телеграмма съ извѣстіемъ, что все разстроилось, такъ какъ Англія не согласилась подписать протоколъ до тѣхъ поръ, пока русская армія не будетъ демобилизована. Деказъ потерялъ надежду на успѣхъ задуманнаго нами миролюбиваго соглашенія, предвидя, что затрудненія, возникшія въ Лондонѣ, вызовутъ неблагопріятное впечатлѣніе въ Петербургѣ и усугубятъ то натянутое отношеніе, которое онъ старался разсѣять.

Вслѣдъ за обмѣномъ мыслей, происходившимъ послѣ моего отъѣзда изъ Петербурга, между Берлиномъ, Петербургомъ и Парижемъ, кн. Бисмаркъ поручилъ гр. Мюнстеру заявить англійскимъ министрамъ самымъ категорическимъ образомъ, что Германія отнюдь не собирается напасть на Францію. Очевидно, это дѣлалось съ цѣлью довести о томъ до свѣдѣнія Парижа, а можетъ быть для того, чтобы торійскій кабинетъ поменьше заботился впредь объ общеевропейскихъ дѣлахъ, а Франція не такъ усердствовала въ своей миролюбивой тактикѣ на Востокѣ. Герцогъ Деказъ, успокоенный этими заявленіями о миролюбивыхъ намѣреніяхъ Германіи касательно Франціи, все же очень жаловался на затрудненія редакціоннаго характера, которыя держали всѣхъ на чеку; подъ вліяніемъ англійской точки зрѣнія онъ обвинялъ насъ съ большой горячностью въ томъ, что будто бы вслѣдъ за подписаніемъ протокола мы намѣрены объявить войну; впрочемъ, все это говорилось въ самомъ дружескомъ тонѣ.

„Мнѣ не трудно было, какъ я и писалъ канцлеру, доказать герцогу Деказу и гр. Шодорди, на кого падаетъ отвѣтственность за неудачу переговоровъ; я высказалъ ему, что Англія оскорбляетъ наше національное самолюбіе, требуя отъ насъ обязательствъ, которыя она не можетъ получить отъ *Турции*“, и доказывалъ абсолютную невозможность, въ особенности при тогдашнемъ состояніи умовъ въ Россіи, принять какое-либо обязательство, несовмѣстимое съ нашими традиціями и съ чувствомъ національнаго достоинства, а также невозможность отозвать хотя бы одинъ батальонъ съ турецкой границы до тѣхъ поръ, пока заключеніе мира съ Черногоріей не будетъ обезпечено, пока не будетъ гарантирована безопасность христіанъ и пока Турція не приступитъ серьезно къ реформамъ въ Болгаріи и Герцеговинѣ. Я телеграфировалъ это кн. Горчакову 11 марта, утромъ, и въ тотъ же день видѣлся еще разъ съ Деказомъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ жаловался на настойчивое требованіе кабинетовъ, чтобы въ протоколѣ было упомянуто о разоруженіи турецкой арміи; „съ точки зрѣнія Россіи,

говорилъ Декавъ, можно только привѣтствовать рѣшеніе Турціи, которое усугубляетъ ея финансовое разрѣшеніе.

Я оспаривалъ эту мысль и указалъ на положеніе нашей кавказской арміи, которая стояла лицомъ къ лицу съ недисциплинированными турецкими войсками. Мы не могли увести нашихъ войскъ, не поставивъ на карту безопасности нашей границы. Герцогъ Декавъ замѣтилъ на это, что Европа интересуется не кавказской, а только нашей Кишиневской арміей. На его вопросъ, правда ли, что я предлагалъ Дерби исключить изъ протокола пунктъ, касающійся разоруженія, если бы онъ оказался камнемъ преткновенія при переговорахъ, я отвѣчалъ утвердительно, присовокупивъ, что съ практической точки зрѣнія вопросъ о разоруженіи долженъ былъ обсуждаться непосредственно между русскимъ и турецкимъ правительствами. Герцогъ Декавъ, кажется, согласился съ этимъ и высказалъ готовность телеграфировать французскому посланнику въ Лондонъ, чтобы онъ объяснилъ гр. Дерби серьезность положенія и необходимость подписать протоколъ, пріемлемый для Россіи“.

Я видѣлъ герцога Декава послѣдній разъ послѣ его свиданія съ лордомъ Лайонсомъ; послѣдній, по его словамъ, также былъ въ отчаяніи отъ неудачи Лондонскихъ переговоровъ. Желая избѣжать войны, державы хотятъ одного—говорилъ Декавъ—чтобы наши войска, сосредоточенныя на румынской границѣ, были отозваны; что касается кавказскихъ войскъ, они, разумѣется, должны остаться на мѣстѣ, пока турки не уведутъ окончательно своихъ войскъ. Я рѣшительно уклонился отъ обсужденія этого вопроса и совѣтовалъ министру энергично воздѣйствовать на Лондонъ; вмѣстѣ съ тѣмъ я старался поддержать и его доброе расположеніе къ намъ, указавъ на то, что мы дѣйствовали съ величайшей искренностью, тогда, какъ Англія относилась къ намъ съ ничѣмъ не объяснимой подозрительностью.

„Неудачи съ протоколомъ, присовокупилъ я, конечно, заставятъ насъ самихъ искать выхода изъ создавшагося положенія; несмотря на все наше стремленіе къ миру, можетъ случиться, что мы будемъ вынуждены дать войскамъ приказъ къ выступленію. Хотя я знаю, какое положеніе займетъ по всей вѣроятности Франція въ случаѣ войны, но все-таки мнѣ хотѣлось бы, какъ я сказалъ Декаву, слышать отъ него что-нибудь опредѣленное на этотъ счетъ. Декавъ отвѣтилъ, что Франція ни въ какомъ случаѣ не будетъ противъ насъ и не пойдетъ ни на какія непріязненныя по отношенію къ

памъ комбинаціи; она не свяжетъ себя ничѣмъ, она отгородится, замуруется отъ всѣхъ (elle se calfeutrerait) и не сдѣлаетъ ни шага, если ее не вынудятъ къ тому какія-либо чрезвычайныя обстоятельства; она выждетъ, пока буря не уляжется, чтобы не пострадать самой“. Взволнованный положеніемъ дѣлъ, Деказъ телеграфировалъ герцогу Даркуру, прося его еще разъ сдѣлать попытку убѣдить гр. Дерби, и вмѣстѣ съ тѣмъ звалъ его въ Парижъ, чтобы обмѣняться съ нимъ мыслями и дать ему дополнителныя инструкціи. Герцогъ Деказъ надѣется, что французскій посланникъ въ Лондонѣ и лордъ Лайонсъ въ Парижѣ существенно облегчатъ своимъ поведеніемъ задачу гр. Шувалова“.

„Я постарался повидаться съ лордомъ Лайонсомъ и, воспользовавшись нашими издавна дружественными отношеніями, изложилъ ему откровенно положеніе дѣлъ съ моей точки зрѣнія и доказывалъ, что, противодѣйствуя нашимъ миролюбивымъ стремленіямъ, англійское правительство вынуждаетъ насъ оставить всякую мысль о соглашеніи, а это можетъ повлечь за собою послѣдствія, за которыя вся отвѣтственность падетъ на Сентъ-Джемскій кабинетъ. Лордъ Лайонсъ обѣщалъ воздѣйствовать на лорда Дерби, но просилъ меня принять во вниманіе трудность его положенія какъ парламентскаго дѣятеля; пославъ въ Лондонъ обстоятельное донесеніе, Лайонсъ изложилъ въ немъ какъ мой взглядъ, такъ и свой разговоръ съ герцогомъ Деказомъ“.

„Такимъ образомъ, съ завтрашняго дня писалъ я въ заключительныхъ строкахъ письма, посланнаго мною въ Петербургъ на министра иностранныхъ дѣлъ будутъ воздѣйствовать лордъ Лайонсъ и французскій посланникъ. Мнѣ хотѣлось бы заставить и гр. Андраши дѣйствовать въ томъ же смыслѣ, чтобы произвести извѣстное давленіе на Лондонскій кабинетъ“.

Когда я увѣзжалъ изъ Парижа вечеромъ 11 (23) марта, мнѣ вполнѣ естественно пришло на умъ, что старикъ баронъ Бруновъ отлично сѣумѣлъ бы воспользоваться тѣми средствами, какія были въ данное время въ рукахъ нашего посланника въ Лондонѣ, добровольно взявшаго на себя веденіе съ Сентъ-Джемскимъ кабинетомъ переговоровъ о протоколѣ, и моимъ дружественнымъ и дѣятельнымъ содѣйствіемъ и конечно не довелъ бы дѣла до несчастнаго протокола и до двухъ противорѣчивыхъ декларацій, которыя, отрѣзавъ Россіи всякій выходъ, вынуждали ее въ случаѣ неудачи переговоровъ обнажить мечъ, сдѣлавъ

такимъ образомъ войну неизбѣжной и не обезпечивъ даже участи христіанъ, въ случаѣ принятія протокола Портою.

Въ моментъ моего отъѣзда изъ Франціи, я получилъ отъ русскаго посланника въ Лондонѣ двѣ телеграммы; одну—непосредственно отъ него самого, въ которой онъ писалъ: „Я не успѣю сообщить вамъ до 8 часовъ о результатѣ сегодняшняго засѣданія совѣта“ и другую—переданную мнѣ кн. Орловымъ. Въ ней говорилось: „предметъ нашего вчерашняго совѣщанія съ Дербі (о разоруженіи) не составляетъ уже ни для кого тайны; поэтому всѣ относятся къ протоколу несочувственно и на принятіе его весьма мало шансовъ. Сообщите Игнатьеву“. Гр. Шуваловъ былъ по крайней мѣрѣ послѣдователенъ: онъ съ самаго начала допустилъ обсужденіе вопроса въ такой плоскости: если Россія не приступитъ къ демобилизаціи, протоколъ не будетъ подписанъ. Его послѣднія слова были: „Вы, также какъ и я, были противъ разоруженія; поэтому протоколъ по всей вѣроятности не будетъ подписанъ. Я въ этомъ не виноватъ“.

Графъ Н. П. Игнатьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

